

## Государственный совет и политический кризис междуцарствия

*М. С. Белоусов*

**Для цитирования:** Белоусов М. С. Государственный совет и политический кризис междуцарствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1078–1100. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.404>

Статья посвящена деятельности высшего государственного органа Российской империи в период междуцарствия 1825 г. Политический кризис 27 ноября — 13 декабря 1825 г., предшествовавший событиям 14 декабря, изменил институциональный статус Государственного совета. Его положение в системе власти в этот период не основывалось на законодательных актах, а зависело от позиции освященного временем Сената и определялось задачами плана прихода к власти Николая Павловича. В статье показано, что в ходе заседания 27 ноября советники поддержали инициативу Николая о присяге Константину, но внесли в официальный протокол неприемлемую для него формулу об отречении от престола. Однако Сенат полностью проигнорировал постановление Совета и не упомянул его решения в качестве правоустанавливающего. Это обстоятельство было замечено и царедворцами, и деятелями тайных обществ, но воспринято как нормативное и естественное. Затрагивается сюжет, связанный с подготовкой манифеста о восшествии на престол, который Николай представил на заседании 13–14 декабря. Предлагается рассматривать процесс подготовки манифеста в широком контексте выработки Николаем и его ближайшим окружением юридически приемлемой формулы воцарения, базировавшейся на предыдущих прецедентах Российской истории. Решающее заседание Государственного совета произошло в ночь с 13 на 14 декабря, но так же как и в событиях 27 ноября, в данном мероприятии сложно выявить бюрократическую логику. Николай собрал членов Совета, зачитал им манифест и, не потребовав присяги, распустил по домам. Для всех акторов указанных событий ключевой стала присяга Сената, назначенная на 7.30 утра. Все это дает основания сделать вывод, что Государственный совет являлся лишь авансценной политической борьбы периода междуцарствия, театрализованным представлением, служившим для Николая источником информации о настроениях высших сановников. Все ключевые решения

---

*Михаил Сергеевич Белоусов* — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; [m.belousov@spbu.ru](mailto:m.belousov@spbu.ru)

*Mikhail S. Belousov* — PhD (History), Associate Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; [m.belousov@spbu.ru](mailto:m.belousov@spbu.ru)

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 21-78-10052 «От Кадисской конституции к Петербургскому восстанию: трансфер дискурсов, идей, эмоций в эпоху бидермайера».

This research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 21-78-10052 “From the Cadiz Constitution to the Petersburg Uprising: Transfer of Discourses, Ideas, Emotions in the Biedermeier Era”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

он принимал самостоятельно, согласовывая их только со своими конфидентами и реализуя через постановления Сената.

*Ключевые слова:* Государственный совет, Сенат, присяга, междуцарствие, отречение, Николай I, Константин.

## State Council and the Political Crisis of the Interregnum

*M. S. Belousov*

**For citation:** Belousov M. S. State Council and the Political Crisis of the Interregnum. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 4, pp. 1078–1100. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.404> (In Russian)

The article is devoted to the activities of the highest state body of the Russian Empire during the interregnum of 1825. The political crisis changed the institutional status of the State Council. His position in the system of power during this period was not based on legislative acts, it depended on the position of the time-honored Senate and was determined by the tasks of the plan for Nikolai Pavlovich's coming to power. It is shown that during the meeting on November 27, the members supported the initiative of Nicholas to swear allegiance to Constantine, but included in the official protocol an unacceptable formula of his abdication. Senate completely ignored the decision of the Council. This circumstance was perceived as normative and natural. The decisive meeting of the State Council took place on the night of December 13–14, but it is difficult to identify bureaucratic logic in this event. Nikolai gathered the members of the Council, read out a manifesto to them and, without requiring an oath, sent them home. For all the actors of these events, the key was the oath of the Senate. All this gives reason to conclude that the State Council was only the proscenium of the political struggle of the period of the interregnum, a theatrical performance that served for Nicholas as a source of information about the moods of the highest dignitaries. He made all the key decisions on his own, coordinating them only with his confidants, and implemented them through the decisions of the Senate.

*Keywords:* State Council, Senate, oath, interregnum, abdication, Nicholas I, Constantine.

Долгий XVIII в. ознаменовался в истории России непрерывным поиском формы политического института, способного стать механизмом реализации верховной власти просвещенного монарха и объединить высшую управленческую элиту. Последовательно появлялись и исчезали Верховный тайный совет, Кабинет министров, Совет при Высочайшем дворе, Непременный совет. Этот процесс завершился наконец 1 января 1810 г., когда по «Плану Всеобщего государственного образования» 1809 г. М. М. Сперанского был реорганизован Государственный совет, учреждение, которое должно было иметь две политические функции. По отношению к носителю верховной власти Совет рассматривался как высший законосовещательный орган. Применительно же к министерствам, Комитету министров и Сенату он выступал как высший орган, объединяющий и координирующий их деятельность, то есть выступал в качестве «общего средоточия всех дел», как его обозначал М. М. Сперанский<sup>1</sup>. Современник великого реформатора князь Д. И. Ло-

<sup>1</sup> *Сперанский М. М.:* 1) Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 31–315, 321–322; 2) Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 393.

банов-Ростовский мимоходом даст его детищу более прозаическую характеристику: «Совет есть только канцелярия государева»<sup>2</sup>.

В историографии не раз предпринимались попытки проследить логику функционирования Государственного совета в непрерывном процессе реформирования высших учреждений империи<sup>3</sup>. Между тем названная дихотомия, вероятно, существовала уже в конце царствования Александра I. Представляется, что яркой вспышкой, способной осветить эту проблему, а значит, и помочь ее прояснить, является политический кризис 1825 г. Применительно к событиям междоцарствия обозначенную проблему можно сдвинуть в более практическую плоскость: почему вопрос о провозглашении Константина императором решался на Государственном совете, а декабристы считали необходимым арестовывать и принуждать сенаторов; почему события 27 ноября закончились единодушной присягой членов Государственного совета, а на чрезвычайном совещании 13 декабря Николай огласил манифест о восшествии на престол и распустил сановников по домам?

При поиске ответов на эти вопросы в фокусе нашего внимания оказываются чрезвычайные общие собрания Совета, деятельность его канцелярии и в целом содержание входящих и исходящих документов. В историографии этот сюжет рассматривался как в обзорных исследованиях по истории Государственного совета, так и в специальных работах, посвященных событиям междоцарствия. К первой группе можно отнести работу Е. П. Ковалевского. Биограф графа Д. Н. Блудова достаточно часто отходит от основной сюжетной линии и показывает, как Государственный совет оказался под фактическим контролем А. А. Аракчеева и какой вакуум власти возник в период отсутствия в столице Александра I и его всесильного фаворита<sup>4</sup>. В официальной истории Совета дается подробный документальный рассказ о собраниях 27 ноября и 13 декабря<sup>5</sup>, а в официальной истории канцелярии Совета подробно описывается деятельность А. Н. Оленина и его ближайших сподвижников<sup>6</sup>.

П. А. Зайончковский отмечал, что Государственный совет не играл никакой роли в принятии политических решений, но при этом привел реплику Николая I, демонстрирующую стремление власти к анализу общественного мнения (конечно же, прежде всего высшего чиновничества) посредством обращения к Совету<sup>7</sup>. Кроме того, П. А. Зайончковский тщательно проанализировал имущественный, институциональный, религиозный статус членов Совета. Этот просопографический подход можно обнаружить и в работах С. В. Мироненко. Между ценными выводами о членах Совета как представителях «верхушки правящей бюрократии»<sup>8</sup>

<sup>2</sup> Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: в 2 т. Т. I. СПб., 1903. С. 187.

<sup>3</sup> История образования Государственного совета в России. СПб., 1859; Щеглов В. Г. Государственный совет в России в особенности в царствование Александра I: в 2 т. Т. I. Ярославль, 1891; Вернадский Г. В. История права. СПб., 1999; Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.

<sup>4</sup> Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 146–150.

<sup>5</sup> Государственный совет. 1810–1901. СПб., 1901. С. 41–52.

<sup>6</sup> Государственная канцелярия. 1810–1910. СПб., 1910. С. 32–76.

<sup>7</sup> Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

<sup>8</sup> Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XX века. М., 1989.

и о существовании интереса самодержавия к доминирующим настроениям среди них осталось сделать один шаг и объединить их.

Именно такой путь выбрала американская исследовательница В. Фреде<sup>9</sup>. Темой ее исследования является проблема «шума» (общественного мнения) в деятельности и представлениях членов Негласного комитета. Но, экстраполируя сделанные выводы на совещательные органы, мы должны признать, что они являлись уникальным инструментом как восприятия, так и формирования общественного мнения. Сама по себе эта мысль не является новаторской. Нечто подобное мы можем увидеть в работах о роли Земских соборов как институтов, освещающих решения центральной власти<sup>10</sup>. К схожим выводам приходит О. А. Омельченко: главным предназначением Уложенной комиссии было не создание нового свода законов, а сбор сведений о толках и чаяниях различных слоев населения<sup>11</sup>.

Более традиционный взгляд на деятельность Государственного совета в эпоху Николая I представила И. В. Ружицкая<sup>12</sup>. В ее монографии присутствует отдельная глава, посвященная событиям междуцарствия, в которой рассказывается об акте отречения Константина, совещании 27 ноября и достаточно завуалированно говорится о совещании 14 декабря. В другом месте историк обозначила его как совещание 13–14 декабря. Это на первый взгляд незаметное противоречие, видимо, связано с корпусом использованных источников. И. В. Ружицкая обращалась к материалам Российского государственного исторического архива, которые включают в себя как протоколы чрезвычайных собраний<sup>13</sup>, так и мемории<sup>14</sup>. Согласно первым, в период междуцарствия произошло действительно только два чрезвычайных собрания: 27 ноября и 13 (по протоколу — 14) декабря. Но мемории, так же как и ряд воспоминаний, сообщают нам еще об одном заседании, которое происходило одновременно с восстанием гвардейских полков 14 декабря. Именно оно оказалось не замеченным И. В. Ружицкой.

Этот пример весьма показателен для историографических выводов. Специальные работы по истории права в целом и по истории Государственного совета в частности отличаются фундированностью, опираются на широкий корпус архивных материалов делопроизводства государственных органов; но их существенным недостатком является нарративность и отсутствие аналитического подхода к проблемам, выходящим за пределы истории государственного управления. И. В. Ружицкая в название главы поместила вопрос: как правильнее охарактеризовать взаимоотношения великого князя и высшего органа империи — «противостояние или союз»? Но он, впрочем, остался без ответа, как и поднятые автором вопросы о том,

<sup>9</sup> Фреде В. Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I // Новое литературное обозрение. 2018. Т. 151, № 3. С. 164–185.

<sup>10</sup> Pavlov A. P. Les réformes du milieu du XVIIe siècle et l'évolution structurelle de la noblesse russe // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46, issue 1–2. P. 101.

<sup>11</sup> Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993.

<sup>12</sup> Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018.

<sup>13</sup> Дело о прибытии в чрезвычайное и тайное собрание Государственного совета государя великого князя Николая Павловича и о прочтении, по занятии места председателя, Высочайшего манифеста о принятии его // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1148. Оп. 1. 1825 г.: ЧОС. Д. 2. Л. 1–5.

<sup>14</sup> Мемории Государственного совета // Там же. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 17. Л. 517–527.

почему 27 ноября сначала присягали войска, а затем чиновники, какова истинная роль графа М. А. Милорадовича в результатах заседания 27 ноября и др.

История Государственного совета рассматривается и в целом компендиуме работ по истории междоусобия. М. А. Корф дал подробнейшее описание двух рассматриваемых заседаний (27 ноября и 13 декабря), неизменно подчеркивая рыцарские мотивы в поведении своего протагониста<sup>15</sup>. Исключительный характер этих заседаний отмечен и в другой его работе: поэтически подчеркивается, что первое посещение Совета было сделано для отречения от престола, второе — для восшествия на него<sup>16</sup>. Обращает на себя внимание интересное противоречие. 27 ноября 1825 г. Николай присягал Константину, ссылаясь на нормы павловского указа о престолонаследии, то есть речи о каком-либо отречении с его стороны не шло. Но Государственный совет, вскрыв завещание императора Александра I, интерпретировал присягу Николая как вид отречения<sup>17</sup>. Именно эту формулу повторил работавший под его контролем первый историк междоусобия.

Схожую картину событий ноября — декабря 1825 г. предложил Г. Василич. Правда, его оценки оказались гораздо более резкими. По мнению исследователя, говоря о самом решении присягать Константину, Николай «пренебрег учреждением, которое не смело иметь ни своего мнения, ни своего решения, ни своей воли»<sup>18</sup>. Несколько страниц спустя, историк все-таки усмотрел некоторые мнения и решения у Государственного совета, но Николай «окриками, слезами и поцелуями сломил своевольный Совет»<sup>19</sup>. При этом еще раз подчеркнем, что эти выводы опираются исключительно на мемуарные свидетельства и просто не могут учитывать позицию членов Совета, отразившуюся в делопроизводственных документах. Рассказ о заседании 13 декабря не менее курьезен, но важен тем, что Василич четко артикулирует Михаила Павловича как «личного свидетеля» отречения<sup>20</sup>.

Целый каскад крайне любопытных оценок принадлежит А. Е. Преснякову. Здесь и ценное замечание о праве в заведомо неправовом государстве: «...в этих недоумениях вскрывался парадокс самодержавия, при котором государственная власть может проявиться в принципе не иначе, как в личных действиях монарха»<sup>21</sup>. Историк отмечал, что «среди членов Совета было довольно сильное течение в пользу решения этой борьбы именно в Совете», так как и сами члены Совета, и российское общество воспринимали Совет исполнителем воли Александра<sup>22</sup>. В условиях неопределенности с фигурой наследника для членов Государственного совета было важным отреагировать верно на не совсем законный поступок Николая — присягу Константину без манифеста. Итогом стало принесение присяги не «как государ-

<sup>15</sup> Корф М. А. Восшествие на престол Императора Николая I. СПб., 1857.

<sup>16</sup> Император Николай в совещательных собраниях. Из современных записок статс-секретаря барона Корфа // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 98. СПб., 1896. С. 101–286.

<sup>17</sup> Дело о раскрытии, по получении известия о кончине государя императора Александра Павловича, пакета, присланного от Его Императорского Величества, в котором включалась копия с Высочайшего манифеста // РГИА. Ф. 1148. Оп. 1. 1825 г.: ЧОС. Д. 1. Л. 2 об.

<sup>18</sup> Василич Г. Разруха 1825 года: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1908. С. 35.

<sup>19</sup> Там же. С. 40.

<sup>20</sup> Там же. С. 71.

<sup>21</sup> Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 68.

<sup>22</sup> Там же. С. 69.

ственным учреждением, а как группой придворных сановников»<sup>23</sup>. Обратим внимание, что эту же формулу можно применить и к самому Николаю, который отказался явиться в Государственный совет, но принял его делегацию. Отказ от престола в заседании можно было бы интерпретировать как официальное отречение, а призыв присягать в одной из гостиных — не больше, чем диалог частных лиц. Применительно к событиям 13 декабря А. Е. Пресняков подчеркивал, что ожидание появления Михаила было связано с тем, что он воспринимался противником воцарения Николая. При этом, ожидая брата и получая известия о заговоре, Николай намеренно уклонялся от каких-либо карательных мер против возможного бунта, не завершив присягу и таким образом не получив карт-бланша.

Взгляд С. Б. Окуня на этот сюжет оказался столь же нетривиальным<sup>24</sup>. По мнению историка, Константин рассчитывал в результате семейного сговора получить польскую корону. Поспешность Николая с принесением присяги С. Б. Окунь связывал с возможными претензиями Константина уже на престол в империи в целом: Николай «...на первый взгляд, облегчивший вступление на престол брата таким дипломатичным ходом, как оглашение манифеста в Государственном совете, отрезал ему все пути к короне»<sup>25</sup>. Ведь до событий 27 ноября сюжет об отречении Константина фигурировал лишь во внутрисемейных делах, а после вскрытия конверта его отказ был представлен на суд самой широкой общественности. Как пишет Окунь, после всего случившегося любая попытка Константина занять престол расценивалась бы как узурпация, а действия Николая — как проявление высшего благородства. Здесь напрашивается вывод о том, что заседание Государственного совета 27 ноября — это битва за общественное доверие, которую Николай успешно выиграл.

Касательно событий 13 декабря С. Б. Окунь отмечает, что Константин отреагировал самым негативным образом на публикацию частных писем и включение их в состав «пакета» документов о престолонаследии как приложение к манифесту. Первым его желанием было в ответ на это принять престол и собрать стотысячное войско<sup>26</sup>. Здесь стоит сделать скидку на импульсивность великого князя. Несколькими днями ранее «он отдал секретный приказ держать наготове его экипаж и 10 000 империалов наличными — и не для того, чтобы поехать в Петербург, а отправиться за границу»<sup>27</sup>. Сложно сказать, какой образ примерял на себя Константин — Петра I в 1689 г. или его сына, царевича Алексея, в 1716 г. Так или иначе, историк уловил главное: Николай приложил частную корреспонденцию к своему манифесту; этим он, с одной стороны, нормативно зафиксировал отказ Константина от престола, с другой — повернул ситуацию таким образом, что тексту этого «отречения» было уготовано быть прочитанным сотни и тысячи раз в ходе присяги новому императору.

М. В. Нечкина в деятельности Государственного совета не увидела ничего существенного и экстраординарного: в ее работе даже толком не был поставлен вопрос,

<sup>23</sup> Там же. С. 70.

<sup>24</sup> Окунь С. Б. История СССР. 1796–1825. Курс лекций. Л., 1947.

<sup>25</sup> Там же. С. 435.

<sup>26</sup> Там же. С. 454.

<sup>27</sup> La comte Frederic de Nesselrode a sa cousine la Comtesse Charles de Nesselrode (Varsovie, 12 decembre (vieux style), 1825) // Lettres and papiers du chancelier Comte de Nesselrode: en XI t. T. VI: 1819–1827. Paris, 1908. P. 231.

почему именно присяга сенаторов должна была стать ключевым триггером для декабристов<sup>28</sup>. В этом же ключе сюжет проанализирован А. В. Семеновой, которая предприняла невероятные попытки доказать симпатию Сперанского и Мордвинова к идеям «тайного общества», а значит, реализуемость плана создания временно-го революционного правительства<sup>29</sup>. В то же самое время зарубежная историография сохраняла дореволюционный консерватизм: в одной из первых панорамных работах о Николае повторяются формулы, так или иначе использовавшиеся Корфом, Шильдером и Василичем<sup>30</sup>.

Для концепции Я. А. Гордина, предполагающей принуждение Милорадовичем Николая к присяге с целью возведения на престол Константина, кейс о заседании 27 ноября оказался одним из наиболее слабых<sup>31</sup>. Автор проигнорировал сюжет о различных мотивировках Милорадовича и Лобанова-Ростовского по вопросу, почему не следует вскрывать «завещание» Александра. В скобках отметим, что под пером Я. А. Гордина Лобанов-Ростовский также артикулируется бенефициаром воцарения Константина. При этом Гордин не смог найти сколь-либо убедительного объяснения, почему же в ситуации фактического отказа Государственного совета присягать Константину Николай настоял на этом. По одному из самых слабых мест концепции Гордина решил нанести удар его традиционный оппонент М. М. Сафонов<sup>32</sup>. Анализируя мемуарные сообщения, причем достаточно узкий их круг, о событиях 27 ноября, он показывает, что гипертрофированная героизация Милорадовича не может верифицировать тезис о том, что Николай действовал под его нажимом.

Одно из наиболее взвешенных и фундированных мнений принадлежит Т. В. Андреевой. Историк пишет о плане Николая по захвату престола, который подразумевал постепенное привлечение высших сановников на свою сторону. Николай действовал в сложной обстановке сосуществования партий. Согласно Андреевой, выделяется группа сторонников присяги Константину (это обеспечивало социально-политическое спокойствие); группа, нацеленная на исполнение последней воли Александра; а также группа, представители которой «возможно, хотели использовать ситуацию междуцарствия, чтобы поставить вопрос о конституционных ограничениях»<sup>33</sup>. Существование последней партии вызывает некоторые сомнения, так же как и слишком сильный акцент на роли А. Н. Голицына. Андреева пишет, что именно его выступления и заявления подтолкнули Николая созвать Совет. В связи с этим стоит обратить внимание, что, хоть Голицын и являлся старым и влиятельным царедворцем, его статус в Совете вызывал сомнения у современников. После его отставки в 1824 г. Оленин письменно обратился к Александру с вопросом о статусе князя Голицына, уволенного от управления Министерством

<sup>28</sup> Нечкина М. В. Движение декабристов: в 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 236–237.

<sup>29</sup> Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

<sup>30</sup> Lincoln W. B. Nicholas I. Emperor and Autocrat of All the Russians. DeKalb, 1989.

<sup>31</sup> Гордин Я. А. Мятёж реформаторов. Л., 1989. С. 50–53.

<sup>32</sup> Сафонов М. М. Из истории междуцарствия: критический анализ мемуарных свидетельств С. П. Трубецкого // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VII. СПб., 2005. С. 296–331.

<sup>33</sup> Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой половине XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 563.

духовных дел и народного просвещения, но заседавшего в Государственном совете с момента его образования<sup>34</sup>.

Важным является наблюдение, связанное с анализом манифеста Николая. Т. В. Андреева показала, в ходе создания этого документа сменились две официальные интерпретации событий 27 ноября: Николай перешел от «присяги согласно законному порядку первородства» к формуле о том, что манифест Александра о передаче престола не был опубликован, а значит, не получил законной силы. Обратим внимание, что похожий вывод принадлежит автору передовицы *Journal des débats*: Николай сначала утверждал, что Константин новый российский император, а затем своим манифестом заявил, что тот никогда не правил<sup>35</sup>.

Таким образом, в работах по истории движения декабристов и междуцарствия мы обнаруживаем прямо противоположную картину. Представлена широкая палитра мнений, сюжеты о причинах тех или иных поступков четко проблематизированы. Но в большинстве своем (за исключением Т. В. Андреевой) эти работы опираются на узкий круг опубликованных источников. Как правило, речь идет исключительно о мемуарных и эпистолярных произведениях. Сама по себе эта антитеза при разработке данной темы побуждает исследователей к более внимательной работе с архивными документами. Проанализированные в настоящей статье материалы дают возможность восстановить, как многократно реконструированные события, явления, получившие многочисленные интерпретации, отражались в государственном делопроизводстве.

Следует сделать еще одно историографическое замечание. Мы будем исходить из тезиса, что Николай стремился занять престол<sup>36</sup>. Его план состоял в следующем: провозгласить Константина императором, добиться от него формального отречения и взойти на трон согласно действовавшим законам. Простое выполнение завещания Александра было для него неприемлемым, поскольку оставляло старшего брата в достаточно сильной позиции по польскому вопросу. Константин рассчитывал получить польскую корону или как минимум сохранить статус-кво<sup>37</sup>. Именно в этой точке планы братьев вступали в явное противоречие: Николаю требовалось отречение Константина, но это отречение лишало последнего статуса цесаревича и делало экс-императором, следовательно, фактически лишало его возможности остаться наместником в Польше или стать независимым монархом.

Итак, в 20-х числах ноября 1825 г. одна за другой в столицу полетели депеши об ухудшающемся состоянии императора<sup>38</sup>. Сообщение о причащении не оставляло надежды на выздоровление<sup>39</sup>. Новости заставили начать готовиться к политическим пертурбациям как Николая Павловича, так и правительственный истеблишмент. Оленин в мемуарах приводит достаточно забавный эпизод. 25 ноября предсе-

<sup>34</sup> Дело о службе члена Государственного совета Александра Николаевича Голицына // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 124. Л. 1–46.

<sup>35</sup> *Journal des débats politiques et littéraires*. 1826/01/15.

<sup>36</sup> Белоусов М. С. Незамеченный дворцовый переворот // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 79–97.

<sup>37</sup> Белоусов М. С. Иностранные наблюдатели российского политического кризиса: кейс междуцарствия 1825 года // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66, № 2. С. 48–68.

<sup>38</sup> Об обстоятельствах смерти Александра I и принятия присяги в. кн. Константину Павловичу // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 410. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–9.

<sup>39</sup> Там же. Л. 8 об.

датель Государственного совета Лопухин, рассуждая о ссылке в Сибирь, напомнил о существовании секретного завещания<sup>40</sup>. После этого Оленин сообщает, что еще до получения известия о смерти «осмотрел железный сундук, в коем хранился запечатанный пакет»<sup>41</sup>. Главное, конечно же, происходило в тот момент не между Лопухиным и Олениным.

Вечером 25 и 26 ноября состоялась серия совещаний. Декабрист С. П. Трубецкой сообщил в мемуарах об этих встречах со слов Ф. П. Опочинина<sup>42</sup>. Его тесть, австрийский посол Л. Лебцельтерн, утверждал, что вечером 26 ноября состоялся разговор Николая с М. А. Милорадовичем, А. Л. Воиновым, А. Н. Потаповым, П. В. Лопухиным и Д. И. Лобановым-Ростовским, в ходе которого было принято решение о присяге Константину<sup>43</sup>. Третьим источником можно считать записки известного впоследствии романиста и драматурга Р. Зотова. Он единственный вкладывает в уста графа Милорадовича сказанные довольно бравурным тоном слова о принуждении Николая к присяге Константину<sup>44</sup>. Более осведомленные источники преподносят эту мысль как совместное решение великого князя и политического истеблишмента. Настроение Николая в эти дни очень емко выразил неизменно близкий ему В. Ф. Адлерберг: «Когда пришло первое известие о тяжелой болезни императора Александра, Его Высочество Николай Павлович, при котором я находился в Зимнем дворце, сказал мне: “Есть ли Богу угодно будет испытать нас величайшим несчастьем, кончиною Государя, то тотчас по получении о том известия, надобно, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину”»<sup>45</sup>. Таким образом, известия о болезни императора заставили Николая, Милорадовича, Лопухина по крайней мере продумать собственную реакцию на получение печального известия.

Декабрист В. И. Штейнгель писал: «Вдруг 27 ноября раннею повесткой Совет, Сенат и весь генералитет приглашены были к обедне и молебну в Александровскую лавру»<sup>46</sup>. На молебне присутствовали практически все представители политической элиты<sup>47</sup>. В начале 12-го часа, по утверждению большинства очевидцев и опирающихся на их сведения историков, в столицу прибыл фельдъегерь с письмом о смерти императора. Как вспоминает известный дипломат и банкир А. И. Рибопьер, в Александро-Невской лавре неожиданно появился генерал Воинов и сообщил скорбную весть<sup>48</sup>. Первая реакция свидетельствовала о замешательстве и неопределенности: «“Что делать?”— спрашивали друг у друга. “Поедемте во

<sup>40</sup> Записка Государственного секретаря А. Н. Оленина о заседании Государственного совета, по получении известия о кончине императора Александра I // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 20. СПб., 1877. С. 500.

<sup>41</sup> Там же. С. 502.

<sup>42</sup> Записки С. П. Трубецкого // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823. СПб., 2011. С. 67.

<sup>43</sup> Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна // Невелев Г. Декабристский контекст. Документы и описания. СПб., 2012. С. 126.

<sup>44</sup> Записка Рафаила Михайловича Зотова // Русская старина. 1896. Т. 65. С. 43.

<sup>45</sup> Дополнительные сведения о событиях 14 декабря 1825 года, собранные от гр. Алексея Федоровича Орлова, гр. Василия Алексеевича Перовского, гр. Василия Федоровича Адлерберга, Александра Александровича Кавелина, гр. Дмитрия Николаевича Блудова, адъютанта гренадерского полка Пузанова // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 380. № 55. Л. 6. — Обратим внимание, что такое мнение Николай высказывал до встреч с Милорадовичем.

<sup>46</sup> Штейнгель В. И. Записки и письма: в 2 т. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 148.

<sup>47</sup> Бенкендорф А. Х. Воспоминания, 1802–1837. М., 2012. С. 322.

<sup>48</sup> Записки графа А. И. Рибопьера // Русский архив. 1877. Т. 5. С. 13.

дворец»<sup>49</sup>. Об этом же, но чуть в более трагическом ключе писал М. М. Сперанский: «В одно мгновение ока она (весть. — М. Б.) разлилась по всей церкви и обнаружилась рыданием. Все отправились во дворец»<sup>50</sup>.

Складывая воедино эти сообщения, мы видим, что вечером накануне произошло ключевое совещание о судьбе престола, рано утром все крупные государственные и военные деятели были собраны в одном месте. Получив известие о смерти Александра I, они все инстинктивно решили направиться в Зимний. В то же самое время там разыгрывалась не менее драматическая сцена. Прибыл курьер, передал сообщение Николаю, который остановил службу и немедленно начал присягу Константину. Все указанные события (как в лавре, так и во дворце) заняли около 45 минут, еще спустя около получаса большинство членов Государственного совета были во дворце<sup>51</sup>, а еще примерно через полчаса начинается заседание этого высшего органа. Каждое из перечисленных действий (решение присягать Константину, решение членов совета поехать во дворец) артикулировалось как импровизация.

Следует обратить внимание на сообщения французского посла графа Ла Ферроне в Париж, в котором он повторяет дважды, что «курьер, привезший новость о смерти императора, появился здесь в 6 часов утра»<sup>52</sup>. Это сообщение верифицируется воспоминаниями молодого чиновника Коллегии иностранных дел Бутенева: «27 ноября в пятницу, часов в 6 утра, фельдъегерь привез в С.-Петербург к военному губернатору графу Милорадовичу весть, что император Александр Павлович... скончался в гор. Таганроге 19-го ноября 1825 г.»<sup>53</sup>. А далее он добавляет, что это известие стало быстро распространяться по городу и что он сам лично об этом узнал в 9 часов утра<sup>54</sup>. Эти сообщения заставляют коренным образом переосмыслить события 27 ноября. Рано утром узкому кругу лиц становится известно о смерти императора, но эту новость придерживают, организовывая два торжественных молебна о здравии в Зимнем и в Александровской лавре. В 11 часов участники собрались, церемонии начались. И в этот момент в обеих церквях объявляют о постигшей империю трагедии.

Далее Николай немедленно начинает присягу, а члены Государственного совета направляются во дворец на заседание. В литературе не ставился вопрос о том, кто и зачем решил его созвать? Ответ лежит на поверхности. В суматохе после начала присяги в Зимнем дворце секретарь Совета Оленин подошел к Милорадовичу и спросил, а не надо ли созвать Совет. Ответ был утвердительным. Милорадович сказал, что он советует «скорее собрать Государственный совет, чтобы идти к присяге»<sup>55</sup>, после чего Оленин начинает приглашать членов Совета. Из этого фрагмента можно сделать удивительный вывод: 27 ноября 1825 г. состоялось един-

<sup>49</sup> Там же.

<sup>50</sup> Краткая собственноручная записка Сперанского о событиях 27-го ноября 1825 года // Шильдер Н. К. Император Николай Первый. С. 616.

<sup>51</sup> Записка Государственного секретаря А. Н. Оленина о заседании Государственного совета, по получении известия о кончине императора Александра I. С. 503.

<sup>52</sup> Archives du ministère des Affaires étrangères de la France. Ambassade de France en Russie. Comte de La Ferronnays, ambassadeur. Correspondance politique. Russie en 1825. Vol. 169. F. 227 verso.

<sup>53</sup> *Житомирская С. В.* Рассказ очевидца о событиях 14 декабря // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 10, 11.

<sup>54</sup> Там же.

<sup>55</sup> Записка Государственного секретаря А. Н. Оленина о заседании Государственного совета по получении известия о кончине императора Александра I. С. 502.

ственное в истории заседание Государственного совета, которое никто официально не созывал (или, как это станет далее видно, собранное распоряжением уже покойного императора). Оленин поинтересовался, Милорадович посоветовал, а тем временем члены собрались в соответствующем помещении и стали обсуждать проблему секретного пакета. Оленин вспоминал о том, что увидел 19 членов Совета до начала заседания: они, «рассеянные по присутственной комнате, занимались уже, сколько я мог понять в общем громком их разговоре, суждениями по вопросу: открывать ли хранящийся в архиве Государственной канцелярии пакет?»<sup>56</sup>

В литературе преобладает мнение, что о завещании Александра I знал лишь ограниченный круг лиц. Историки приложили немало усилий к поиску ответа на вопрос об осведомленности самого Николая. Но приведенный отрывок четко указывает, что, по крайней мере, для членов Совета сам факт существования пакета не был секретом. Некоторым было неизвестно о его содержимом. Уверенно заставляет это утверждать письмо П. В. Лопухина Александру I, написанное в октябре 1823 г.: «По возвращении моем в С.-Петербург, г-н правящий должность государственно-го секретаря, предоставил мне пакет с собственноручным Вашего Императорского Величества повелением о вручении мне оного по прибытии моем из отпуска. В пакете сем нашел я другой, запечатанный, с известною Вашему Величеству надписью. Так как сей последний пакет высочайше повелено хранить в Государственном совете, то я долгом почел в первое общее собрание оного (15-го сего октября) предъявить ему таковую волю Вашего Величества. Вследствие чего и состоялся секретный журнал, коим доведено только до сведения Совета»<sup>57</sup>.

Это сообщение верифицируется документооборотом Государственного совета. 15 октября 1823 г. прошло заседание, на котором «князь Лопухин предъявил собранию запечатанный пакет печатью Его Императорского Величества, на котором собственною Его Величества рукою между прочим предписано, чтоб сей пакет “Хранить в Государственном совете”»<sup>58</sup>. В правом верхнем углу листа протокола присутствует надпись: «По секрету»<sup>59</sup>. А завершается текст документа фразой, еще раз подчеркивающей арканумный характер заседания и внесенного документа: «Члены Государственного совета по выслушании сего, согласно данной ими особой присяги, приняв сие распоряжение к сведению, положили хранить оное в тайне»<sup>60</sup>. Содержание письма и протокола однозначно указывает, что император Александр I внес некий секретный документ в Совет, но остается неясным, понимали ли присутствовавшие, что фактически они имели дело с завещанием.

Этот момент позволяет прояснить замечание М. М. Сперанского, в дневнике которого читаем: «15 октября предъявлен в Совет председателем князем Лопухиным запечатанный конверт с собственной личной надписью: хранить в Г. с. до

<sup>56</sup> Записка Государственного секретаря А. Н. Оленина... С. 503.

<sup>57</sup> Собственная Е. И. В. канцелярия. Копия с записки председателя Государственного совета князя П. Лопухина относительно хранения в Совете пакета с завещанием духов. ... императора Александра I (17 октября) // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3985. Л. 2.

<sup>58</sup> Дело о предъявлении председателем государственного совета запечатанного печатью Его Императорского Величества пакета, на котором собственною Его Величества рукою, между прочим, приписано, чтобы этот пакет «хранить в Государственном совете» // Там же. Ф. 1148. Оп. 1. 1823 г.: ЧОС. Д. 1. Л. 4.

<sup>59</sup> Там же.

<sup>60</sup> Там же.

моего востребования; а в случае кончины моей раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании Г. с.»<sup>61</sup>. Эта ремарка не оставляет сомнений в том, что члены Государственного совета, о котором Сперанский здесь писал, могли прочесть надпись на конверте, а значит, в октябре 1823 г. высшие сановники были уведомлены о существовании особого распоряжения на случай смерти императора. Власть, как показано выше, стремилась сохранить все это в тайне, в том числе по этой причине фраза Александра I вошла в протокол в оборванном виде: «Хранить в Государственном совете». Слова о востребовании или смерти целенаправленно были опущены при составлении даже секретного протокола. Впрочем, особенностью российской бюрократической машины на протяжении веков неизменно оставалось то, что в статус «секретно» или «для служебного пользования» возводилось такое неисчислимо количество информации, что отсутствовала сама по себе возможность сохранить эту тайну. Рассмотренные документы четко указывают, что членам Государственного совета, их ближайшему окружению, родственникам и конфидентам было известно о существовании неопубликованного «завещания» Александра I фактически с самого момента его создания — осени 1823 г.

Возвращаясь к событиям 27 ноября 1825 г., отметим, что перед членами Совета стоял сложный выбор: последовать примеру Николая и присягнуть Константину или официально ознакомиться с содержимым пакета и действовать согласно воле императора. Здесь следует вернуться к мнению Т. В. Андреевой о существовании «партий» в Совете, строго дифференцированных политическими предпочтениями их участников. Представляется, что большинство членов Совета 27 ноября действовали так, как принято поступать в стране, где самодержавие личности довлеет над значением права. Некоторые из них приехали во дворец раньше, и поэтому неудивительно, что сенатор П. Г. Дивов вспоминал, что в составе Совета были члены, которые уже присягнули: граф Ю. П. Литта и комендант Петропавловской крепости А. Я. Сукин<sup>62</sup>.

Присутствовали и сторонники немедленной присяги. Мотивация каждого из них была различна. Милорадович настаивал на присяге всего Совета, ссылаясь на пример Николая. Другой представитель этой «партии», Лобанов-Ростовский, который крайне пренебрежительно отзывался о генерал-губернаторе, также оперировал поступком Николая и считал, что все должны присягнуть, но прежде закончить заседание: «...все этот вздор делают, великий князь Николай Павлович изволил присягнуть... Если Вы здесь хотите Ваш пакет раскрыть, то пора это было кончить и сходку нашу распустить»<sup>63</sup>. Председатель департамента законов В. А. Пашков «встал со своего места и стал объяснять князю Голицыну, что великий князь Николай Павлович и войско присягнули уже цесаревичу, как прямому наследнику»<sup>64</sup>, то есть примкнул таким образом к позиции Милорадовича. Адмирал А. С. Шишков, считал, что перед прочтением пакета стоит присягнуть, «ибо если в ней (бумаге императора. — М. Б.) заключается что-нибудь такое, которое

<sup>61</sup> Сперанский М. М. Дневник, веденный после возвращения из Сибири в Петербург. 24 марта 1821 г. — 21 апреля 1828 г. // ОР РНБ. Ф. 731. № 42. Л. 90.

<sup>62</sup> Петербург в 1825–1826 годах (по дневнику П. Г. Дивова) // Русская старина. 1897. Т. 89, № 3. С. 460.

<sup>63</sup> Записка Государственного секретаря А. Н. Оленина о заседании Государственного совета, по получении известия о кончине императора Александра I. С. 504.

<sup>64</sup> Там же. С. 505.

может общее мнение привести к разногласиям, весьма в подобных обстоятельствах опасное, то лучше прочитать ее по свершении присяги»<sup>65</sup>. Таким образом, из всей четверки сторонником социально-политического спокойствия можно считать лишь Шишкова, человека склонного к конспирологическим взглядам и отъявленного консерватора в тот момент<sup>66</sup>. Пашков, видимо, присоединился к доминирующей риторике, а Милорадовича и Лобанова-Ростовского мы находим среди протагонистов 27 ноября и участников большинства предшествующих совещаний.

К этой группе должен бы относиться и председатель Государственного совета П. В. Лопухин, но он неожиданно предпочел следовать другой линии. Лебцельтерн приводит довольно забавный диалог между Голицыным и Лопухиным. Последний шел присягать Константину, но Голицын спросил его о наличии пакета. И только тогда Лопухин вспомнил о его существовании, отправил за пакетом Оленина и предложил его прочитать<sup>67</sup>. Оленин же подчеркивает, что, помимо забывчивости, именно 27 ноября дала о себе знать другая проблема — «крайняя глухота князя П. В. Лопухина, которая в этот день от расстройства мыслей еще больше усилилась»<sup>68</sup>. Одним словом, Лопухин фиглярничал, пытаясь представить себя человеком, не причастным к каким-либо решениям и мнениям. Опытный царедворец не мог не понимать, что только эта линия позволит избежать малейшей возможности конфронтации с любым из возможных претендентов, а значит, сохранить пост и положение.

К партии «благожелательного нейтралитета», как бы странно это ни показалось, можно отнести и А. Н. Голицына. Он непосредственно участвовал в подготовке документов, был отлично осведомлен, ведь переписывал их своей рукой. Голицын с уважением относился к воле покойного императора, несмотря на всю придворную борьбу и его отставку с поста министра духовных дел и народного просвещения, он оставался другом детства и конфиденнтом Александра I. Большинство очевидцев событий свидетельствует о том, что он настаивал на вскрытии пакета. На требование немедленной присяги он отреагировал горячо («только князь Александр Голицын попытался остановить этот порыв и заговорил о завещании»<sup>69</sup>). При всех этих обстоятельствах Голицын не являлся противником плана, который реализовывал Николай. Напомним, что положение Николая в случае восшествия в результате отречения Константина было несопоставимо надежнее, чем при простой реализации завещания Александра I.

Но Николаю удалось перетянуть его на свою сторону: «Его Высочество стал многих из них лобызать, и в особенности князя Голицына, которого он, схватив обеими руками за голову, целовал в уста, очи и лоб»<sup>70</sup>. В этой инициативе велико-

<sup>65</sup> Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова: в 2 т. Т. 2. Берлин, 1870. С. 272.

<sup>66</sup> См. например: «Басня» А. С. Шишкова (с осмеянием стремления молодежи к свободе) // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 67. Л. 1. — В этом контексте можно привести реплику А. Д. Боровкова о 27 ноября: «...носились несвязные толки о конституции и содрогались благонамеренные» (Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // Русская старина. 1898. Т. 96. С. 332).

<sup>67</sup> Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 128.

<sup>68</sup> Записка Государственного секретаря А. Н. Оленина о заседании Государственного совета, по получении известия о кончине императора Александра I. С. 507.

<sup>69</sup> Бенкендорф А. Х. Воспоминания 1802–1837. С. 322.

<sup>70</sup> Записка Государственного секретаря А. Н. Оленина о заседании Государственного совета, по получении известия о кончине императора Александра I. С. 509.

го князя мы можем увидеть характерный для российской политической традиции способ продемонстрировать благосклонность и принадлежность к ближнему кругу определенного высокопоставленного лица. Видимо, получив подобное подтверждение своего статуса на ближайшее будущее, Голицын одновременно перешел в разряд конфидентов Николая. Это подтверждает важное наблюдение Л. В. Вискочкова: несмотря на оказанное, казалось бы, сопротивление 27 ноября, А. Н. Голицын становится одним из ближайших доверенных лиц Николая в дни междуцарствия — за этот короткий промежуток они встретятся 18 раз<sup>71</sup>.

Большинство членов Совета не были готовы поддержать предложение о присяге. Открыто выступил адмирал Н. С. Мордвинов, фактически обвинив Николая в узурпации: «...каждый из присутствующих находится в ложном положении; что великий князь в данном случае пользуется правом и авторитетом провозглашенного монарха, не будучи им»<sup>72</sup>. Получалась достаточно парадоксальная ситуация: если бы был вскрыт пакет, наследником стал бы Николай, но требование Николая присягать Константину артикулировалось как проявление самодержавия. Против кого и чего в данном случае выступал адмирал? Представляется, что в его реплике стоит видеть не действие в пользу того или иного претендента, а протест против той странной игры, которую начал Николай и его конфиденсы.

Подобную позицию, правда, не выраженную конкретными выступлениями, занимало большинство членов Совета. А. Д. Боровков показывал, как военный министр А. И. Татищев, вернувшись с заседания, заявил: «...как стадо овец, мы за ним (Николаем. — М. Б.) начали присягать Константину, хотя некоторым и казалось это несправедливым, потому что воля покойного императора должна быть священна»<sup>73</sup>. Подчеркнем, что «стадом овец» в данном случае предстает вся управленческая элита крупнейшей мировой империи. Точно так же об этом заседании отзывался и М. М. Сперанский: «Невзирая на сие (требование присягать. — М. Б.), по единогласному мнению, пакет был распечатан»<sup>74</sup>. Обратим внимание, что Сперанский выражает здесь общее мнение, его отношение к происходящему остается неясным.

В результате в этот процесс были вынуждены вмешаться и сам Николай, и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Члены Совета решили пригласить на заседание Николая, но он через Милорадовича от этого отказался, ссылаясь на то, что не входит в состав Совета. Тогда они сами отправились к нему, и в приемной апартаментов Михаила, где в тот момент находился Николай, произошло объяснение. Здесь стоит заострить внимание на отказе появиться на заседании. Если следовать логике, что манифест делал Николая императором, а император мог присутствовать на заседаниях, то требование присягать Константину, озвученное там, могло быть юридически интерпретировано как полноценное отречение. «Лобызания» членов Государственного совета в приемной младшего брата в любом случае оставляло возможность для изменения позиции. Тем не менее сам факт при-

<sup>71</sup> Вискочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 191.

<sup>72</sup> Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 130.

<sup>73</sup> Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // Русская старина. 1898. Т. 96. С. 332.

<sup>74</sup> Краткая собственноручная записка Сперанского о событиях 27-го ноября 1825 года // Шильдер Н. К. Император Николай Первый. С. 616.

сяги Константину заставил Лебцельтерна, человека, сформировавшегося в стране жестких салических правил и прагматических санкций, задуматься об исключении Николая из линии наследования после Константина<sup>75</sup>.

Николай, как показывает В. Р. Марченко, уверял членов Совета, что «духовная не была сделана в свое время гласною»<sup>76</sup>, поэтому она не имеет юридической силы, а значит, и Николай, и государственные органы должны руководствоваться павловским указом о престолонаследии. Только в одном источнике мы обнаруживаем другую логику в устах великого князя. Согласно депеше испанского посланника Паеса де ла Кадены, Николай заявил, «что он чрезвычайно далек от того, чтобы принять их (советников. — М. Б.) предложение; что считает себя не соответствующим тому, что требуется для такой могущественной империи»<sup>77</sup>. Паес де ла Кадена не присутствовал при этой сцене и, видимо, так же как и Лебцельтерн, домыслил полученную информацию, исходя из своего жизненного опыта.

Уговоры Николая возымели действие, и члены Государственного совета присягнули: но даже после этого ощущение некоей неправомерности произошедшего осталось. Как показывал А. Х. Бенкендорф, члены Совета «видели незаконность присяги, которую великий князь Николай единственный принял столь поспешно»<sup>78</sup>. После великого князя они отправились к Марии Федоровне. В скобках заметим, что ее подпись стояла на законодательной акте 5 апреля 1797 г. о престолонаследии и что Александр в письме, в котором принимал отказ Константина от трона, ссылаясь на поддержку этого решения вдовствующей императрицей. Именно она должна была развеять все сомнения и убедить, что последняя воля Александра будет исполнена. Мария Федоровна сделала это одной фразой, заявив членам Совета, что «Константин выполнит свой долг, я в этом не сомневаюсь, но принцип должен быть подтвержден»<sup>79</sup>. Здесь содержится прямое указание на то, что за присягой Константина последует его отречение, тем самым он исполнит долг, а принцип, о котором она говорит, — закон о престолонаследии.

Результат созыва Государственного совета для Николая оказался многозначительным. Младший брат Михаил назовет его поступки 27 ноября «революционными»<sup>80</sup>. Члены Государственного совета не решились на подобный слом государственной машины, поэтому, присягнув по требованию Милорадовича, Лобанова-Ростовского и Николая, в официальном документе зафиксировали крайне неприятную для Николая формулу: «Член Государственного совета граф Милорадович объявил собранию, что Его Императорское Высочество великий князь Николай Павлович торжественно отрекся от права, предоставленного ему упомянутым манифестом и первый уже присягнул на подданство Его Величеству государю

<sup>75</sup> Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 133.

<sup>76</sup> Бильбасов В. А. Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки (1782–1838) // Русская старина. 1896. Т. 86. С. 307.

<sup>77</sup> Archivo Histórico Nacional (AHN). Despacho no. 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 22. — Подробнее о восприятии испанским посланником событий междуцарствия см.: Белоусов М. С. Депеша испанского посла как источник по истории политической культуры междуцарствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 2. С. 357–374.

<sup>78</sup> Бенкендорф А. Х. Воспоминания 1802–1837. С. 323.

<sup>79</sup> Там же.

<sup>80</sup> Из дневников Александры Федоровны. Краткий дневник с 27 ноября по 12 декабря 1825 г. Воскресенье 6 (18) декабря, 2 часа // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 86.

императору Константину Павловичу»<sup>81</sup>. Этому сообщению предшествует рассказ о вскрытии пакета, а за ним следует подробное описание встречи с Николаем и Марией Федоровной. Вряд ли можно в истории госучреждений обнаружить еще хоть один подобный протокол, в котором высшие сановники рассказывали, как ходят по дворцу и общаются между собой.

Если мы вернемся к наблюдениям историков, то убедимся, что Николай одержал целую череду уверенных побед. Он познакомил членов Государственного совета, а значит, и в целом придворные круги, с отречением Константина, тем самым лишив его возможности претендовать на престол (С. Б. Окунь)<sup>82</sup>. Он смог прощупать общественное мнение и выявить оппозиционно настроенные фигуры (В. Фреде)<sup>83</sup>. Протокол Совета остался не больше, чем очередным правовым актом в заведомо неправом государстве (А. Е. Пресняков)<sup>84</sup>. И самой главной его победой можно считать создание фактически гипнотической убежденности в его рыцарском благородстве. Так, В. А. Жуковский писал о героическом поведении Николая Павловича<sup>85</sup>, А. Н. Оленин хотел поместить сообщение о его великодушии в журнал Государственного совета<sup>86</sup>. Именно с этого момента заговорили о существующем якобы расколе: двор — за Николая, гвардия — за Константина<sup>87</sup> (но гвардия контролировалась конфиденнтом Николая Милорадовичем).

Содержимое журнала Государственного совета было де-факто исправлено нужным для Николая постановлением Сената. Как показывал сенатор Дивов: «...известие о кончине императора было получено в пятницу. Традиционно именно в этот день происходило общее собрание Правительствующего сената. Министр юстиции князь Лобанов, прибыв в собрание, объявил печальное известие и предложил нам присягнуть законному наследнику престола Константину I»<sup>88</sup>. В самом протоколе этот факт отразился довольно курьезно. Сенаторы обсуждали имущество подпоручика Маврина и его покойной жены, потом говорили о межевании земель во Владимирской губернии, о делах мелких чиновников, а потом в заседание прибыл Лобанов-Ростовский, сообщил о смерти Александра I, сенаторы присягнули Константину и распорядились «о сем повсеместно обнародовать печатными указами»<sup>89</sup>. Законность этого действия в любой момент могла быть подтверждена отсылкой к петровскому Закону о Сенате, который не был отменен или скорректирован при создании Государственного совета<sup>90</sup>.

---

<sup>81</sup> Дело о раскрытии, по получении известия о кончине государя императора Александра Павловича, пакета, присланного от Его Императорского Величества, в котором включалась копия с Высочайшего манифеста // РГИА. Ф. 1148. Оп. 1. 1825 г.: ЧОС. Д. 1. Л. 2 об.

<sup>82</sup> Окунь С. Б. История СССР. С. 435.

<sup>83</sup> Фреде В. Общественное мнение, его облик сверху: Негласный комитет Александра I. С. 164–185.

<sup>84</sup> Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. С. 68.

<sup>85</sup> Записка В. А. Жуковского о Н. И. Тургеневе, поданная императору Николаю Павловичу (1827) // Русский архив. 1895. Т. 9. С. 203.

<sup>86</sup> Записка Государственного секретаря А. Н. Оленина о заседании Государственного совета, по получении известия о кончине императора Александра I. С. 511.

<sup>87</sup> 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 266.

<sup>88</sup> Петербург в 1825–1826 годах (по дневнику П. Г. Дивова). С. 459.

<sup>89</sup> Журналы за 2 октября — 28 декабря // РГИА. Ф. 1330. Оп. 10. Д. 219. Л. 503 об. — 505 об.

<sup>90</sup> «Определили управительный Сенат, которому всяк и их указами да будет послушен, так как Нам Самому, под жестоким наказанием или к смерти, по вине смотря» (О власти и ответствен-

Распоряжение Сената было воспринято как единственное сообщение о событиях 27 ноября, произошедших в верхах. Население никто не оповещал ни о пакете Александра, ни о блуждании по дворцу членов Государственного совета — в стране началась присяга. Декабрист Штейнгель зафиксировал в своих воспоминаниях: «От Сената был издан тотчас указ, повелевающий на основании постановления об императорской фамилии присягнуть старшему брату»<sup>91</sup>. Отметим, что обществом распоряжение Сената было воспринято как вполне нормативное и естественное. Произносивший в тот же вечер пламенные речи декабрист А. Бестужев не увидел в этом ничего экстраординарного и письмом сообщил матери, что манифестом Сената Константин был провозглашен как новый император<sup>92</sup>. Этот указ стал правоустанавливающим документом для всех уровней власти, за ним последовали решения губернских правлений<sup>93</sup> и уездных органов<sup>94</sup>.

Логика взаимодействия государственных органов управления подразумевает, что вышестоящий принимает решение, а подчиненный ему — конкретизирует и реализовывает. В данном случае Сенат полностью проигнорировал содержимое журнала Государственного совета. Сенат самостоятельно и единолично, по предложению министра юстиции, принял решение о присяге Константину. Нормативно в 1825 г. полностью повторилась ситуация 1725 г.: скончался император, не опубликовавший завещание, вопрос о передаче престола был решен Сенатом<sup>95</sup>. Государственный совет в событиях 27 ноября 1825 г. оказался не «средоточием всех дел» и даже не «канцелярией государевой», а органом, постановление которого просто проигнорировали. В противном случае Сенат должен был бы указать на манифест Александра и исключить Николая и его потомков из линии престолонаследия. Отсюда можно утверждать, что в день известия о смерти императора в Петербурге произошла бюрократическая революция. И главным революционером оказался не воспетый известным писателем Милорадович, а князь Лобанов-Ростовский. Победа Николая в день 27 ноября стала абсолютной, его план последовательно реализовывался: юридически Константин стал императором, а общественное мнение увидело в Николае великодушного рыцаря.

Обратим внимание на несколько колоритных моментов делопроизводства. Один из членов Государственного совета, А. А. Саблуков, в силу возраста и болезни не смог присутствовать на чрезвычайном собрании 27 ноября. Но, согласно его письму, уже 28 ноября он получил от Оленина распоряжение принести при-

---

ности Сената // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 2-е: в 55 т. Т. 4. СПб., 1830. С. 642–643).

<sup>91</sup> Штейнгель В. И. Записки и письма: в 2 т. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 149.

<sup>92</sup> 14 декабря в письмах А. Е. Измайлова // Памяти декабристов: сб. материалов: в 3 т. Т. 1. Л., 1926. С. 54.

<sup>93</sup> Трибунский П. А. Отзвуки движения декабристов в Рязанской губернии (по материалам Государственного архива Рязанской области) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VII. СПб., 2010. С. 296.

<sup>94</sup> См., например: Клятвенное обещание: присяга императору Константину Павловичу жителей г. Аткарска Саратовской губернии // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 178.1. № 10882.48. Л. 1–1об.

<sup>95</sup> Отметим, что на момент рассматриваемых событий действовал указ о престолонаследии 1797 г.; но в манифесте о шестствии на престол Александра I было однозначное требование присягать новому императору и «наследнику, который назначен будет» (О кончине императора Павла I и о вступлении на престол Императора Александра I // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 26. СПб., 1830. С. 583).

сягу. В ответ он немедленно направил письменный присяжный лист и пообещал принести устную присягу при первой возможности. Этот документ был получен 1 декабря и сразу перенаправлен в Сенат уже абсолютно всесильному Лобанову-Ростовскому<sup>96</sup>. Таким образом, созданная в свое время М. М. Сперанским архитектура государственных органов оказалось окончательно перевернутой. Конкретные жизненные кейсы превратили Государственный совет из послушной «канцелярии государевой» в канцелярию Сената. А поступок Саблукова демонстрирует, что, сколько бы противозаконным ни казалось всем давление по поводу присяги Константину, представители этого «высшего сословия» не рискнули отказать великому князю.

Из общего ряда выпадает только одна фигура — отсутствовавшего 27 ноября А. А. Аракчеева. Узнав о смерти императора, он немедленно вернулся в столицу. Дивов показывал, что уже 5 декабря Аракчеев вновь вступил в исполнение своих обязанностей<sup>97</sup>. 9 декабря Государственный совет запросил у него, будет ли он заниматься делами по военному департаменту<sup>98</sup>. Согласно Н. Д. Дурново, 10 декабря граф Аракчеев был с визитом у императрицы-матери<sup>99</sup>. Весь день 14 декабря он просидит в Зимнем дворце «в общем движении неподвижно» и «как монумент» проведет день без проявления каких-либо эмоций, как об этом сообщает Н. М. Карамзин<sup>100</sup>. Практически в одно и то же время Аракчеев лишился и любимого повелителя, и любимой женщины, и статуса полудержавного властелина. Но при всей антипатии к Николаю и Милорадовичу даже он не рискнул отступить от курса Николая: вскоре за петербургскими военными частями присягнули вверенные ему военные поселения. При этом, согласно М. Ф. Бороздину, Аракчеев заметил: «Вы скоро будете снова присягать!»<sup>101</sup> Опытный царедворец просчитал, что Константин не станет новым императором, а все происходящее — это не больше, чем фарс и нарочитое соблюдение юридических процедур.

Сразу же после присяги Николай продемонстрировал старшему брату, что он полностью контролирует ситуацию в столице, что все ведомства беспрекословно выполнили его незаконное распоряжение о присяге. В Варшаву были отправлены: фельдъегерь с сообщениями из Государственного совета; адъютанты от великого князя, от военного министра, от министра финансов; а также чиновник из Сената Никитин с донесениями о присяге<sup>102</sup>. Между братьями и государственными органами завязалась переписка: Константин наотрез отказывался принимать трон и, не считая себя взошедшим на престол, отказывался отречься. Этот второй конкретный этап плана Николая терпел неудачу. Но пока в заочном общении решалась судьба империи, Государственный совет вернулся к своим повседневным обычным задачам. Согласно журналам входящих документов, в тот период времени

<sup>96</sup> Дело о службе члена Государственного совета Александра Александровича Саблукова // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 16. Л. 1–5 об.

<sup>97</sup> Петербург в 1825–1826 годах (по дневнику П. Г. Дивова). С. 462.

<sup>98</sup> Государственная канцелярия Г[осударственного] С[овета]. Регистрационно-справочный аппарат. Реестры и журналы исходящих бумаг за 1825 год // РГИА. Ф. 1162. Оп. 12. Д. 402. Л. 35 об.

<sup>99</sup> Из дневника флигель-адъютанта Николая Дмитриевича Дурново // Вестник общества ревнителей истории. 1914. Вып. 1. С. 49.

<sup>100</sup> Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 411.

<sup>101</sup> Цит. по: Томсинов В. Аракчеев. М., 2010. С. 369.

<sup>102</sup> Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857. С. 61.

министр финансов внес предложения об изменении тарифа на чай, поступило несколько дел о фальшивомонетчиках, а порховский помещик буйствовал по отношению к матери, жене и дочери и т. д.<sup>103</sup> Нечто похожее мы наблюдаем и в журнале исходящих документов: министру юстиции (Лобанову-Ростовскому) передали постановление о деньгах графини Кочубей, а также об оставшемся после купца Белобородова имени; министру финансов — запрашиваемые им выписки из постановлений, и уведомили, что 14 декабря наконец-то в общем собрании обсудят дело об изменении тарифа<sup>104</sup>.

Дворцовые будни оказались более экстраординарны. Николай и его окружение приступили к подготовке манифеста о восшествии на престол. Т. В. Андреева реконструировала данный процесс и показала, что работа началась 8 декабря. Первоначально эта миссия была возложена на Карамзина, но затем подготовку манифеста Николай передоверил Сперанскому. Опираясь на достаточно краткую записку Блудова<sup>105</sup>, Андреева предполагает, что эта замена была связана с содержательным моментом: Карамзин хотел вложить в манифест «просветительскую идею об ответственности императорского дома за судьбы России»<sup>106</sup>.

Нам представляется, что можно найти более простое объяснение. Сама логика изложения в набросках Сперанского<sup>107</sup> подразумевает публикацию приложений. А публикация как содержащихся в пакете актов, так и частных писем Константина в корпусе манифеста о восшествии на престол придавала этим документам статус нормативных. Иначе говоря, Александр подготовил манифест о передаче престола Николаю, но не опубликовал его. В результате документ не получил юридической силы. Николай, прилагая александровский манифест к своему, решал эту проблему. Следовательно, рассматривая данный сюжет, мы должны четко зафиксировать, что именно в дни передачи дел от Карамзина к Сперанскому менялась концепция правления Николая: из наследника отрекшегося Константина он становился законным правителем по опубликованному завещанию. Подсказал этот важный трюк великому князю Сперанский или нет — вопрос открытый.

Обратим внимание, еще на одну деталь подготовки манифеста. Как утверждает сенатор Дивов, именно 10 декабря граф Нессельроде пригласил его к себе и «попросил доставить ему документы о кончине императора и о восшествии на престол его преемника, которые были разосланы после кончины Павла I»<sup>108</sup>. Это свидетельствует о том, что Николай и его окружение искали юридический прецедент и что кейс 1801 г. подходил идеально. Ведь Александр был, с одной стороны, наследником Екатерины по завещанию (пусть и уничтоженному), а с другой — Павла по указу о престолонаследии. Ситуация была так же запутанна, ведь два человека одновременно носили титул цесаревича — и Александр, и Константин. Представляется,

<sup>103</sup> Государственная канцелярия Г[осударственного] С[овета]. Регистрационно-справочный аппарат. Реестры и журналы исходящих бумаг за 1825 год // РГИА. Ф.1162. Оп.12. Д.270. Л.69 об. — 73.

<sup>104</sup> Там же. Д.402. Л.34–36.

<sup>105</sup> Дополнительные сведения о событиях 14 декабря 1825 года, собранные от Орлова, Перовского, Адлерберга, Кавелина, Блудова, Пузанова // ОР РНБ. Ф.380. Оп.1. №55. Л.15–15 об.

<sup>106</sup> Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой половине XIX века. С.585.

<sup>107</sup> Проект манифеста о вступлении на престол Николая I. Отрывки // ОР РНБ. Ф.731. №314. Л.1–3.

<sup>108</sup> Петербург в 1825–1826 годах (по дневнику П. Г. Дивова). С.463.

что именно 10 декабря для Николая на первый план вышла не литературная, а юридическая составляющая — Карамзина заменил Сперанский, проект которого он подписал 12 декабря.

Утром 13 декабря по городу распространились слухи, что вечером соберется чрезвычайное заседание Государственного совета. Как показывал Г.И. Вилламов, незадолго до обеда императрица приказала «находящимся при ней лицам быть в Совете в 8 часов»<sup>109</sup>. Примерно в это же время Лопухин уведомил Оленина, что получил распоряжение Николая «поручение от государя императора (Константина. — М.Б.) сообщить»<sup>110</sup>. Оленин в воспоминаниях также указывает 8 вечера как планируемое время<sup>111</sup>; но далее он сообщает, что Николай повелел отложить начало заседания, так как с часу на час ожидается возвращение великого князя Михаила<sup>112</sup>. Напомним, что он воспринимался противником поступков Николая и из братьев был особенно дружен с Константином, поэтому его присутствие для оглашения окончательного отречения было чрезвычайно важным.

Прошло два часа: Михаил не появился. Секретарь вдовствующей императрицы Вилламов вспоминал, что в 10 часов вечера императрица сообщила, что Михаила ждать долго и разрешила разъезжаться по домам, а также приказала «принести себе подушку и шаль, чтобы прилечь на диване у Николая»<sup>113</sup>. Примерно в это же время членов Совета решили развлечь ужином, который подали в 11-м часу вечера, о чем пишут Оленин<sup>114</sup> и Шишков<sup>115</sup>. Любопытно, что даже в такой роковой для империи момент Милорадович поступил как истинный бонвиван. Согласно сообщению Солнцева, 13 декабря у князя А.А. Шаховского был светский вечер: «...в 11 часу приехал граф Милорадович, посидел несколько времени и стал раскланиваться»<sup>116</sup>. Прощаясь, он сообщил, что вскоре у России будет новый император. В скобках отметим, что этот эпизод является еще одним контраргументом к концепции Я.А. Гордина<sup>117</sup>.

В полночь Николай решил начать заседание. Он зачитал манифест о восшествии на престол, членам Государственного совета были представлены все письма в качества приложений. Как сообщает Вилламов: «...в полночь заседание началось, а уже в три четверти часа пополуночи появился новый император с императрицей»<sup>118</sup>. Н.Д. Дурново вспоминал, что в ночь с 13 на 14 декабря «поехал к Татищеву, который вернулся в час ночи и объявил об отказе Константина»<sup>119</sup>. Примечательно, что Николай никого не лобызал, не уговаривал о присяге, членам

<sup>109</sup> Шумигорский Е. Воцарение императора Николая I (Из дневника Г.И. Вилламова) // Русская старина. 1899. Т. 97. С. 315.

<sup>110</sup> Письма Алексею Николаевичу Оленину 1825–1827 гг. // ОР РНБ. Ф. 542. № 245. Л. 1.

<sup>111</sup> Записка Государственного секретаря А.Н. Оленина о заседании Государственного совета, по получении известия о кончине императора Александра I. С. 513.

<sup>112</sup> Там же. С. 514.

<sup>113</sup> Шумигорский Е. Воцарение императора Николая I. С. 316.

<sup>114</sup> Записка Государственного секретаря А.Н. Оленина о заседании Государственного совета, по получении известия о кончине императора Александра I. С. 515.

<sup>115</sup> Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова: в 2 т. Т. 2. Берлин, 1870. С. 274.

<sup>116</sup> Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. 1876. Т. 15. С. 320

<sup>117</sup> Гордин Я.А. Мятёж реформаторов. Л., 1989.

<sup>118</sup> Шумигорский Е. Воцарение императора Николая I. С. 316.

<sup>119</sup> Из дневника флигель-адъютанта Николая Дмитриевича Дурново. С. 51.

Государственного совета даже не было предложено присягнуть. Первым это должны были сделать сенаторы. События полуночи 14 декабря однозначно демонстрируют, что Совет был созван с одной целью — познакомиться с первой реакцией высших сановников. Реакция оказалась такой, что Николай не посчитал нужным вносить какие-либо коррективы в план присяги 14 декабря.

Единственный, кто при всех стараниях не смог скрыть неудовольствие, был адмирал Мордвинов. Как вспоминал сам Николай: «Все встали, и я тоже, все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко мне поклонились. При чем отличился Н. С. Мордвинов, против меня бывший, всех первый вскочивший и ниже прочих отвесивший поклон, так что оно мне странным показалось»<sup>120</sup>. Дочь адмирала в мемуарах пыталась представить дело так, что этот поклон был знаком почтения: «Отец мой понял, что сам государь читает и первым встал»<sup>121</sup>. Но еще днем 13 декабря, как вспоминал К. С. Сербинович, к Шишкову дважды приезжал Мордвинов с пасмурным лицом<sup>122</sup>. Отчет III отделения через два года назовет его среди ключевых «недовольных» представителей высшего общества<sup>123</sup>. А сам адмирал в 1841 г. писал: «Известно государю императору, сколь усердно старались приключить меня в число изменников государственных в начале царствования Его Величества»<sup>124</sup>. Еще более резкую характеристику дал Бутенев: «...адмирал с того времени, утратив вес в правительстве, говаривал, что когда ему случалось приезжать во дворец, то его принимали наравне с камер-юнкерами»<sup>125</sup>.

Кейс Мордвинова нам очень четко демонстрирует значение Государственного совета в период междуцарствия. Совет не требовался для решения о присяге. К 14 декабря присяга членов Совета стала делом второстепенным, ее назначили после Сената и гвардии; но мнения, высказанные в Совете, и даже отдельные жесты (такие как поклон) и мимика давали избыточную информацию о реакции сановника на происходящее. Адмирал оказался в меньшинстве. Вряд ли он испытывал сильную неприязнь к Николаю, как об этом писала А. В. Семенова<sup>126</sup>. Он всего лишь не продемонстрировал рвения подыгрывать новому императору в затеянном им фарсе.

Итак, члены совета разошлись, зная, что на 7 часов утра назначена присяга в Сенате. Об этом писали и М. Д. Нессельроде<sup>127</sup>, и П. Г. Дивов: 14 декабря в 7 часов утра было приказано собраться Сенату, а затем «все отправились в сенатскую церковь и присягнули Николаю»<sup>128</sup>. Об этом же сообщает и дочь Мордвинова: «На другой день назначено было собраться для присяги в Сенат в 9 часов утра, в Совете

<sup>120</sup> Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 162.

<sup>121</sup> Воспоминания об адмирале, графе Николае Семеновиче Мордвинове и его семействе. Записки его дочери графини Н. Н. Мордвиновой. СПб., 1873. С. 80.

<sup>122</sup> Николай Михайлович Карамзин, воспоминания К. С. Сербиновича. 1802–1829 // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 257.

<sup>123</sup> Россия под надзором. Отчеты III отделения, 1827–1869. М., 2006. С. 19.

<sup>124</sup> Указы, рескрипты и грамоты Н. С. Мордвинова и переписка его с разными лицами о назначениях, повышении и наградах по службе // РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 1. Л. 99.

<sup>125</sup> Житомирская С. В. Рассказ очевидца о событиях 14 декабря. С. 13.

<sup>126</sup> Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. С. 96.

<sup>127</sup> См.: 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде. С. 272.

<sup>128</sup> Петербург в 1825–1826 годах (по дневнику П. Г. Дивова). С. 464.

в 11 часов». Потом она указывает, что 9 поменяли на 7<sup>129</sup>. Об этом писал и испанский посланник Паес де ла Кадена<sup>130</sup>. Всех этих очевидцев подобное изменение порядка присяги органов не удивляло: политический кризис продемонстрировал, что Сенат, публикующий указы, в ментальной иерархии стоит выше Совета.

Несмотря на все меры предосторожности, на 14 декабря было назначено очередное общее собрание Государственного совета. Дивов сообщал, что «14 декабря я приехал во дворец к половине второго и застал большинство сенаторов и членов Государственного совета»<sup>131</sup>. А Марченко так описал это незамеченное историками собрание: «...по съезде членов пошли мы в придворную церковь, присягнули... По возвращении в Совет открыто было заседание, но, как некоторые старики, члены стали жаловаться на усталость и что в два часа опять надо быть на ногах, то доклад дел был отменен, и все разъехались»<sup>132</sup>. В мемориях Совета указано, что министр финансов сделал доклад<sup>133</sup>. Никакие политические вопросы или сюжеты, связанные с восстанием, не обсуждались. После рассмотрения всего одного вопроса (это нехарактерно для нормального делопроизводства Совета) заседание прекратилось. А тем временем Николай собрал силы вокруг восставших на Сенатской площади и готовился, подавив восстание, наконец-то стать полноправным правителем.

Подведем итоги. Государственный совет стал авансценой политического кризиса междоусарствия. Именно его заседания связаны с присягой Константину, а впоследствии с объявлением Николая о восшествии на престол. Однако материалы государственного делопроизводства не позволяют нам увидеть в Государственном совете образца 1825 г. нечто подобное петровскому Сенату, возводящему на трон Екатерину I, или Верховному тайному совету, призывающему к власти Анну Иоанновну. Анализ многочисленных источников подводит к выводу, что в заседаниях Совета периода междоусарствия не было никакой институциональной логики. Совет 27 ноября был собран устным распоряжением Милорадовича, протокол его заседания является рассказом о блуждании его членов по Зимнему дворцу, его решение об отречении Николая было полностью проигнорировано Сенатом, а вслед за ним и Синодом и другими государственными органами. Логичность этих выводов верифицирует поведение Николая в ночь с 13 на 14 декабря. Государственный совет был использован исключительно для оценки мнения высших сановников. Николаю не требовались ни их одобрение, ни их присяга. Поэтому можно заключить, что Совет стал местом несколько драматической внешней политической борьбы, а истинный переворот был совершен на заседаниях Сената, к постановлениям которого, реальным и возможным, апеллировали как власти предрержащие, так и заговорщики.

<sup>129</sup> Воспоминания об адмирале, графе Николае Семеновиче Мордвинове и его семействе. С. 80–81.

<sup>130</sup> АНН. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 149 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.26). F. 5.

<sup>131</sup> Петербург в 1825–1826 годах (по дневнику П. Г. Дивова). С. 464.

<sup>132</sup> Бильбасов В. А. Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки (1782–1838). С. 309.

<sup>133</sup> Мемории Государственного совета // РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 17. Л. 520–525.

## References

- Andreeva T. V. *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi polovine XIX veka. Pravitel'stvennaia politika i obshchestvennoe mnenie*. St Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009, 912 p. (In Russian)
- Belousov M. S. Inostrannye nabliudateli rossiiskogo politicheskogo krizisa: keis mezhdutsarstviia 1825 goda. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2022, vol. 66, no. 2, pp. 48–68. (In Russian)
- Belousov M. S. The Dispatches of Spanish Ambassador as a Source of Interregnum's Political Culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 2, pp. 357–374. (In Russian)
- Belousov M. S. Unnoticed Coup D'état. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 1, pp. 79–97. (In Russian)
- Frede V. Obshchestvennoe mnenie, ego oblik sverkhu: Neglasnyi komitet Aleksandra I. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018, vol. 151, no. 3, pp. 164–185. (In Russian)
- Gordin Ia. A. *Miatezh reformatorov*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 398 p. (In Russian)
- Korf M. A. *Vosshestvie na prestol Imperatora Nikolaia I*. St Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii Publ., 1857, 236 p. (In Russian)
- Kovalevskii E. *Graf Bludov i ego vremia*. St Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii Publ., 1866, 259 p. (In Russian)
- Lincoln W. B. *Nicholas I. Emperor and Autocrat of All the Russians*. DeKalb, Northern Illinois University Press, 1989, 424 p.
- Mironenko S. V. *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaiia bor'ba v Rossii v nachale XX veka*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 240 p. (In Russian)
- Nechkina M. V. *Dvizhenie dekabristov*, vol. 2. Moscow, AN SSSR Press, 1955, 505 p. (In Russian)
- Okun' S. B. *Istoriia SSSR. 1796–1825. Kurs lektsii*. Leningrad, Leningrad State University Press, 1947, 490 p. (In Russian)
- Omelchenko O. A. "Zakonnaia monarkhiia" Ekateriny II. Moscow, Iurist Publ., 1993, 428 p. (In Russian)
- Pavlov A. P. Les réformes du milieu du XVIe siècle et l'évolution structurelle de la noblesse russe. *Cahiers du monde russe*, 2005, vol. 46, issue 1–2, pp. 275–309.
- Presniakov A. E. *14 dekabria 1825 goda*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ., 1926, 231 p. (In Russian)
- Ruzhitskaia I. V. *Gosudarstvennyi sovet pri Nikolae I: osobennosti funktsionirovaniia*. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018, 312 p. (In Russian)
- Safonov M. M. Iz istorii mezhdutsarstviia: kriticheskii analiz memuarnykh svidetel'stv S. P. Trubetskogo. *14 dekabria 1825 goda. Istochniki, issledovaniia, istoriografiia, bibliografiia*, issue VII, St Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2005, pp. 296–331. (In Russian)
- Semenova A. V. *Vremennoe revoliutsionnoe pravitel'stvo v planakh dekabristov*. Moscow, Mysl' Publ., 1982, 204 p. (In Russian)
- Tomsinov V. *Arakcheev*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2010, 429 p. (In Russian)
- Tribunskii P. A. Otvzuki dvizheniia dekabristov v Riazanskoii gubernii (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Riazanskoii oblasti). *14 dekabria 1825 goda. Istochniki, issledovaniia, istoriografiia, bibliografiia*, issue VII. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, pp. 296–319. (In Russian)
- Vasilich G. *Razrukha 1825 goda*, ch. 1. St Petersburg, Tip. Sever Publ., 1908, 160 p. (In Russian)
- Vyskochkov L. V. *Nikolai I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroi chetverti XIX veka*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018, 1000 p. (In Russian)
- Zaionchkovskii P. A. *Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v.* Moscow, Mysl' Publ., 1978, 287 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4 июня 2022 г.

Рекомендована к печати 5 сентября 2022 г.

Received: June 4, 2022

Accepted: September 5, 2022